

Л.А. Кутилова

ЛИГА НАЦИЙ: СИСТЕМА И МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ

Следствием реорганизации Европы после Первой мировой войны стало появление на ее политической карте новых государств. Уже из первых заявлений европейских политиков, прозвучавших вскоре после начала войны, явствовало стремление найти и сохранить место для независимого существования и свободного развития малых народов, которые мыслились равными партнерами в системе международных отношений. Причем предполагалось, что основой их суверенного существования станет национальное самоопределение. Президент США В. Вильсон, определяя правила нового послевоенного миропорядка, подчеркивал: «...впредь всем народам, которые доселе жили под властью государства, исповедующего другую веру и преследующего иные, даже враждебные этим народам, цели... должна быть обеспечена свобода существования, веры и промышленного общественного развития» [1].

В ходе работы Парижской мирной конференции политические лидеры держав-победительниц напрямую столкнулись с проблемой национальных меньшинств или национально неоднородных территорий, особенно в пограничье. И в силу сформировавшейся национальной чересполосицы, и в силу политических пристрастий и экономических увязок провести в жизнь ранее декларируемый национальный принцип оказалось делом крайне сложным, практически неосуществимым. Проблема осложнялась тем, что, по словам Д. Ллойд Джорджа, «только что освобожденные народы Южной Европы готовы были перегрызть друг друга глотку в погоне за лучшими кусками наследства умерших империй» [2]. Камнем преткновения стали, например, Галиция, Силезия, Восточная Пруссия, Тешинская область, Банат и другие территории. Проектируемая политическая карта Европы вызывала всеобщее неудовольствие, поскольку, удовлетворив притязания одной стороны, державы-победители встречались с негативной позицией другой. Так, О.Бауэр в речи в Учредительном собрании выступил против нарушения принципа национального самоопределения и передачи без плебисцита немецкой Богемии Чехословакии, утверждая, что «нарушается неоспоримая воля немцев». Он справедливо отмечал, что в реальной практике Парижской конференции «древний жестокий закон победителя заменил обещанную победу права» [3].

Подобные противоречия разрастались, что вынудило США, Великобританию, Францию и Италию 1 мая 1919 г. учредить специальный «Комитет новых государств и защиты меньшинств». Основной целью комитета была разработка договоров о меньшинствах, действие которых находилось бы под эгидой Лиги Наций - организации, призванной сформировать новый механизм безопасности и предотвращения конфликтов. Первый из договоров - с Польшей - был подготовлен 6 мая 1919 г., но его обсуждение на пленарном заседании конференции вызвало так называемый «бунт малых государств». Серьезную оппозицию сформировало стремление держав Антанты навязать малым государствам принудительные гарантии прав национальных меньшинств. Ее возглавил премьер-министр Румынии И.Братиану, поддержанный представителями Польши, Чехословакии, СХС (Югославии). Более всего их возмущала дискриминация, двойные стандарты в поведении Лиги Наций по отношению к своим членам, ведь договоры о меньшинствах находились вне общих принципов Лиги и, с точки зрения Братиану, ограничивали суверенитет независимых государств.

Действительно, новым государствам был обещан равный суверенитет, но договоры о меньшинствах должны были подписать только они, ими не охватывалась даже побежденная Германия. Вместе с тем и Румыния, и Польша, и Чехословакия, и СХС-государство готовы были гарантировать национальные и религиозные права меньшинствам, но настаивали на генерализации системы защиты прав меньшинств. «Бунт» привел к новому витку противоречий в отношениях стран-победителей и новых государств. Односторонние обязательства Польша посчитала нарушением суверенитета и отвергла условия договора о меньшинствах. Лишь после непосредственного обращения Верховного Совета Лиги к премьер-министру Польши И.-Я. Падеревскому конфликт удалось сгладить. Сыграло свою роль указание на то, что самим фактом своего существования, а тем более приращением территорий новые государства обязаны державам-победительницам, тем жертвам, которые понесли они в ходе Первой мировой войны. В ответ страны Антанты считали вполне оправданным настаивать на договорах о меньшинствах, которые представлялись как важная гарантия всеобщего прочного мира и стабильного развития [4].

После бурных дебатов 28 июня 1919 г. был подписан первый из серии специальных договоров о меньшинствах - договор главных союзных и объединившихся держав с Польшей, ставший типовым для остальных четырех с Чехословакией, Румынией, СХС-государством и Грецией [5].

В договоре сформулировано положение о приоритете международных норм над национальным законодательством. Статья 1 утверждает, что обязательства государства в отношении меньшинств имеют преимущество перед любыми законами и подзаконными актами, договоры о меньшинствах должны быть приняты в качестве основного закона. Правительство Польши провозгласило равенство граждан вне зависимости от происхождения, национальности, языка, религии, подчеркнув при этом, что все польские граждане имеют право на свободу публичного и частного исповедания веры. Признавая гражданами всех тех, кто был рожден или проживал на территориях, вошедших в состав Польского государства,

правительство брало обязательство предоставить всем желающим право оптации (в международном праве выбор лицом гражданства, обычно при передаче территорий одним государством другому).

Статья 7 закрепляла правило, согласно которому различие в религии не должно было служить препятствием для замещения разного рода должностей. Договор предоставил право свободного использования родного языка в бытовом общении, в торговле, при совершении религиозных обрядов, в судах, в средствах массовой информации и в публичных собраниях. Меньшинства должны были получить беспрепятственную возможность для создания за свой счет благотворительных, религиозных, общественных учреждений. В деле просвещения предоставлялось право начального образования на родном языке при обязательном изучении языка польского.

Статьи 10 и 11 гарантировали специфические права евреев, например, в религиозной сфере - право субботы, а также в области народного образования. Еврейские школы должны были получать на свое существование и развитие пропорциональную часть общественных средств.

Все перечисленные положения были повторены в договорах победивших держав с Чехословакией, СХС-государством, Румынией и Грецией. Кроме того, фиксировались особые положения. Например, в договоре с Румынией указывалось на необходимость признания без каких-либо формальностей евреев, проживающих на румынской территории, гражданами государства (это положение было отражено еще в Берлинском трактате 1878 г., но не выполнялось Румынией, в которой евреи подвергались дискриминации), содержалось также требование предоставить саксонским и чешским общинам в Трансильвании местную автономию в вопросах обучения и религии.

Договор с СХС-государством особо оговаривал права мусульманского меньшинства на сохранение обычаев в области семейно-брачных отношений. Кроме того, государство обязалось взять на себя защиту мусульманских религиозных учреждений и благотворительных организаций (мечетей, кладбищ и др.).

В соглашении с Чехословакией закреплены права русин, проживающих к югу от Карпат. Чехословакия предоставляла им широкую автономию, правда, такую, которая не угрожала бы единству государства. Создание собственного сейма позволяло русинам получить законодательные права во всех вопросах, касающихся языка, школы, религии. Чехословацкое правительство и русинский сейм должны были определить пределы своей компетенции. Губернатора русин предстояло назначать президенту республики, но он нес ответственность перед сеймом. Правительство гарантировало русинам возможно большее представительство во всех властных структурах, а также справедливое представительство в общегосударственном парламенте.

В Гутригосударственные законодательства некоторых стран пошли дальше тех положений, которые закрепила Лига Наций. Так, например, чехословацкий закон 29 февраля 1920 г. допускал употребление языков национальных меньшинств в армии, в администрации, обязывал принимать заявления от граждан и давать ответы не только на чешском, но и родном языке. Этот порядок устанавливался для тех местностей, где не менее 20% населения принадлежало к меньшинству. Дальше предписаний Трианонского мирного договора пошло и венгерское законодательство. Закон от 21 июля 1923 г. предусматривал перевод законов с государственного языка на язык меньшинств, публикацию административных постановлений органов самоуправления на двух языках (государственном и языке национального меньшинства), давал право употреблять родной язык в органах самоуправления. Община имела возможность в отношениях с центральной властью использовать свой язык, причем ответы, приходящие из центра, должны были сопровождаться аутентичным переводом. Исключительно либеральный закон о культурной автономии национальных меньшинств был принят в Эстонии 12 февраля 1925 г. в осуществление статьи 21 конституции республики [6]. Согласно этому документу меньшинствам предоставлялись права юридического лица; признавая их культурно-национальной корпорацией, закон предусматривал, что учреждения их культурного самоуправления должны будут действовать подобно органам местного самоуправления. Основными сферами деятельности должны были стать организация учебных заведений (общественных и частных) с преподаванием на родном языке, управление и контроль за ними, а также забота о всех других культурных учреждениях. Принадлежность к соответствующему меньшинству определяли на основании специального реестра - национального списка, в который на основании сознательного выбора включались граждане меньшинств, достигшие 18-летнего возраста. Основанием для занесения в реестр могло стать только личное волеизъявление гражданина. Согласно статье 5 закона органами культурного самоуправления меньшинств являлись культурный совет и культурная управа, а также культурные попечительства, создаваемые на выборной основе. Доходы органов культурного самоуправления складывались из государственных средств, общественных сборов, налагаемых культурным советом (то есть предусматривалось самообложение), пожертвований и других источников. Закон о культурной автономии национальных меньшинств, распоряжение о введении национальных регистров, инструкция по культурному самоуправлению национальных меньшинств и инструкция правительства относительно деятельности культурных попечительств подробно регламентируют порядок вступления в национальное сообщество, возможности его самоорганизации, выборы руководящих органов, причем

подчеркивается, что деятельность учреждений меньшинств должна вестись в тесном контакте с правительством республики [7].

Эстонский закон о культурной автономии меньшинств не делает обязательным создание органов самоуправления для немцев, русских, шведов - он, по словам М.Вишняка, «предполагает большую сознательность со стороны членов меньшинств и требует достаточной активности со стороны тех, кто осознал или ощутил потребность в особых органах культурного самоуправления» [8]. Существовали и некоторые формальные ограничения, например, относительно численности сообщества, желающего создать органы культурного самоуправления, - не менее трех тысяч человек. Кроме того, для действительности произведенных выборов органов самоуправления меньшинств необходимо участие в них не менее половины общего числа граждан данной национальности, зафиксированного последней переписью населения. Наконец, для окончательного открытия деятельности органов культурного самоуправления требуется квалифицированное большинство (две трети) выбранного культурного совета. Тем не менее в целом закон, следуя принципу персонализма, признает за меньшинствами права публично-правовой корпорации, тем самым значительно расширяя пределы защиты меньшинств по сравнению с установлениями международного сообщества.

Эстонский закон - акт внутригосударственный, обязательства же, принятые новыми государствами, были определены как обязательства международного значения и в качестве таковых поставлены под гарантию Лиги Наций. Однако, как уже отмечалось, созданная система защиты прав меньшинств в рамках Лиги Наций не рассматривала положения договоров в качестве всеобщих, применимых ко всем участникам организации, а лишь как принцип, действующий в отношении некоторых стран. Италия, например, которая тоже после войны получила территориальные приращения с меньшинственным населением, была обойдена этой системой. Данное обстоятельство сформировало в целом негативное отношение новых государств к системе защиты меньшинств под эгидой Лиги Наций. Недаром вопрос о ее универсализации неоднократно поднимался той же Польшей и особенно при приеме новых членов, поскольку в декабре 1919г. Ассамблеей Лиги было решено, что все государства, претендующие на вступление в сообщество, должны принять меры для реализации принципов договоров о меньшинствах.

Итак, выполнение договоров о меньшинствах становилось под гарантии Лиги Наций. Постепенно был выработан и механизм осуществления этих гарантий. Во-первых, изначально признавалось, что условия договоров не могут быть изменены в одностороннем порядке без согласия большинства Совета Лиги Наций. Таким образом, на Лигу Наций возлагалась охрана договоров о меньшинствах. Во-вторых, члены Совета Лиги Наций получили право обращаться в Совет с указанием на нарушения или опасность нарушения договоров и требовать вмешательства международной организации. Обращение также было возможно в силу статьи 11 Статута Лиги Наций, в случае, если события влекли за собой угрозу миру между народами и нарушали стабильность в международных отношениях [9].

В октябре 1920 г. после принятия соответствующего постановления возможность обращения в Лигу Наций с петицией получили и сами национальные меньшинства, но эта процедура была достаточно сложной. Обращение не могло носить прямого характера, оно могло быть услышанным лишь через посредничество Секретариата Лиги. Податели жалоб не являлись стороной в слушании дела, в которое было вовлечено их собственное государство, - любой намек на политическую дестабилизацию исключался. Кроме того, петиции принимались как чисто информационные материалы, а не как официальные заявления, причем Лига Наций не принимала на себя обязательства их непременно рассмотрения. Чтобы стать предметом рассмотрения на Совете Лиги, обращения меньшинств должны были в обязательном порядке получить поддержку со стороны членов Совета Лиги Наций. Таким образом, сами меньшинства или граждане, принадлежащие к меньшинствам, не получили права прямой апелляции к Лиге Наций, а петиции, поступающие от меньшинств, не обладали юридической силой, чтобы ставить вопрос на рассмотрение Совета автоматически. Следовательно, об особых правах меньшинств в этом случае говорить вряд ли можно. По справедливому замечанию С.Кечекьяна, меньшинства «признавались объектами попечения, а не субъектами права» [10]. Поскольку меньшинства были не правоспособны и недееспособны, то есть не являлись субъектами права, юридическими лицами, постольку они не могли подавать жалобы от меньшинства как от коллективного целого. Информацию о нарушении прав меньшинств до сведения Лиги Наций могли подавать группы населения, национальные организации, отдельные лица и т.д. [11]. Следовательно, петиции могли поступать от кого угодно, кто захотел бы обратить внимание Лиги Наций на нарушение договоров о меньшинствах или на опасность дестабилизации международных отношений, которая поколебала бы мир.

Согласно статье 14 Статута Лиги Наций была создана Постоянная Палата международного суда с местонахождением в Гааге, которая должна была служить третейскому разбирательству международных споров [12]. Спор юридического характера передавался на рассмотрение Постоянной Палаты не обязательно, а лишь в случае обоюдного согласия участвующих в деле сторон, то есть в добровольном порядке. При расхождении по вопросам права и факта при решении проблем национальных меньшинств,

как спор международного характера, дело могло передаваться Постоянной Палате международного правосудия. В случае такого разбирательства решение Суда являлось обязательным [13].

Процедура дорабатывалась, и в декабре 1920 г. принято решение, по которому создавались комитеты трех для рассмотрения жалоб. В состав комитета включались Председатель Совета Лиги Наций (председатель комитета) и два члена Совета Лиги, которые назначались по указанию председателя. Представители заинтересованных в деле государств не могли быть участниками комитета. Последний рассматривал петицию на предмет соответствия указанного в ней случая статьям договоров о меньшинствах, должен был проверить достоверность информации, а также рассмотреть замечания и разъяснения заинтересованных сторон. По предложению Польши и Чехословакии всякое рассмотрение жалобы должно было предваряться сообщением заинтересованному правительству о ее поступлении [14].

Заинтересованное государство получало трехнедельный срок для ответа о том, будут ли представлены возражения или разъяснения. В случае удовлетворительного ответа и желания государства высказаться по существу обсуждаемого вопроса оно получало еще два месяца для работы в этом направлении. Такой ход дела был возможен, если заинтересованное государство уже на первоначальной стадии не согласилось исправить положение или не признавало своей ответственности. При отсутствии доказательств нарушения или опасности нарушения статей договоров о меньшинствах комитет трех мог вообще прекратить дело.

Кроме того, не все петиции, жалобы, обращения становились основанием для начала работы Лиги Наций по их рассмотрению. Совет Лиги Наций принял специальную резолюцию, согласно которой петиции должны были отвечать некоторым правилам. Среди них следующие: петиции должны касаться дел в рамках договоров о меньшинствах; не должны содержать требований о разрыве политических связей между государством и меньшинством; подчеркивалась необходимость корректных формулировок; петиции не должны повторять ту информацию, которая уже рассматривалась в Лиге. Таким образом, данная резолюция позволяла международному сообществу действовать по усмотрению и отклонять нежелательные жалобы по формальным основаниям [15].

Анализ документов Лиги Наций позволяет утверждать, что процедура прохождения петиции напрямую зависела от того, кто был ее автором: государство - член Лиги Наций, сами меньшинства или государство - не член международного сообщества. В случае с самими меньшинствами она была более сложной, и надежд на положительное решение проблемы для меньшинства практически не оставляла. По существу, получалось так: меньшинства подавали жалобы на свои правительства этим же правительствам. Об объективном разбирательстве петиций меньшинств в таком случае не могло быть и речи. Кроме того, правила Лиги Наций предусматривали участие в заседаниях Совета государства - не члена Совета в том случае, если рассматривался вопрос, затрагивающий его интересы. В такой ситуации страна получала один голос и, естественно, распоряжалась им в собственных интересах, но не в интересах меньшинства. Следовательно, при любых обстоятельствах без согласия заинтересованного правительства вопрос не решался.

Работа комитета трех с обращениями по поводу нарушения или опасности нарушения статей договоров о меньшинствах потребовала создания специального вспомогательного органа - Отдела меньшинств Лиги Наций. Он осуществлял переговоры с правительствами, которые до 1929 г. проходили, как правило, конфиденциально и не становились предметом широкого обсуждения, о них даже не сообщалось. И только в 1929 г. была принята резолюция, по которой комитет сообщал о результатах переговоров или о причинах отказа от рассмотрения жалобы.

Основную свою задачу Отдел меньшинств Лиги Наций видел в том, чтобы убедить все заинтересованные стороны (в том числе правительства) в решении спора мирным путем через компромисс. На основании изложенного задача работы комитета трех может быть определена следующим образом: выяснить, необходимо ли какому-либо государству - члену Совета Лиги Наций или нескольким членам Совета этого международного сообщества поставить вопрос о поступившей петиции на обсуждение Совета Лиги Наций (хотя, как уже отмечалось, на любой стадии обсуждения вопроса член Совета Лиги мог воспользоваться предоставленным ему правом и поставить вопрос на повестку дня). Но на практике, как указывает А.Абашидзе, предлагали вопрос на обсуждение именно комитету трех в полном составе и из вспомогательного органа комитет трех превратился в особый институт, который и предварительно рассматривал дело, и принимал решения. На деле «комитет трех превратился в орган контроля за осуществлением прав национальных меньшинств» [16]. Сами же члены Совета Лиги Наций проявляли инициативу лишь тогда, когда были заинтересованы в судьбе меньшинства той же национальности, что и граждане его государства, или по политическим мотивам, - составляя оппозицию тому государству, в котором нарушались права меньшинств.

После завершения этих сложных и длительных процедур и окончания всех этапов предварительного рассмотрения комитет трех мог признать дело заслуживающим внимания и передать его на рассмотрение Совета. В Совете применялись различные методы знакомства с вопросом, унифицированного порядка не было выработано. Использовались и обращения к заинтересованному государству за более полной и подробной информацией, Совет мог поручить Отделу меньшинств или комитету трех вступить в

переговоры с заинтересованным правительством, также он имел право обратиться к помощи специальных юридических комиссий. Кроме того, Совет мог санкционировать расследование на местах (хотя, так ни разу и не воспользовался этой возможностью).

При обнаруживающихся расхождениях по вопросам права и факта дело передавалось на рассмотрение суда любым членом Совета Лиги Наций, даже в случае, если заинтересованное государство не согласилось на такое продолжение дела: ведь подписав договор о меньшинствах, оно уже дало согласие на участие в разбирательстве Постоянной палатой международного правосудия. В суд дела могли поступать и при достижении двумя спорящими сторонами согласия. По договору о меньшинствах суд имел право вынести консультативное заключение по любому спору или вопросу, переданному ему Советом или Ассамблеей Лиги Наций. Заключение Постоянной Палаты международного правосудия было необходимо для продолжения переговоров с заинтересованным правительством [17].

На третьем собрании Лиги Наций в сентябре 1922 г. делегат от Южной Африки предложил более действенные меры по охране прав меньшинств, - например, назначить в районы проживания меньшинств постоянных представителей международного сообщества. Однако под давлением оппозиции в лице стран, где проблема меньшинств была наиболее актуальна, - Чехословакии, Польши, Югославии, которых поддержали и великие державы, предложение было отклонено. В последующем Лига Наций ограничила и правоспособность меньшинств - путь прямой апелляции был для них закрыт, и они не могли заявить о своих претензиях непосредственно Лиге.

Резюмируя сказанное, отметим, что в результате территориального разграничения после Первой мировой войны стремление тесно связать государственные и этнические границы, следуя национальному принципу и принципу самоопределения, оказалось нереализованным. В некоторых случаях проведенная перекройка карты не уменьшила, а, наоборот, увеличила количество меньшинств. Фактически новыми меньшинствами стали немцы из Германии, оказавшиеся в Польше, Данциге, Шлезвиге, Эльзасе, Лотарингии, Верхней Силезии, немцы из Австрии оказались расселены в Италии, Чехословакии, Югославии и т.д. Почти четверть населения Югославии, треть населения Румынии, более трети населения Польши составляли меньшинства. Так, в Италии было расселено около 400 тыс. славян и 220 тыс. немцев. Список вновь созданных меньшинств можно продолжить. Политика ликвидации меньшинств как дестабилизирующего фактора международных отношений была принесена в жертву политической выгоде, экономическим интересам или историческим традициям.

Таким образом, система защиты меньшинств стала не следствием реализации принципа самоопределения, а дополнением к перекройке карты Европы, которая была совершена на Парижской конференции. Представление, что она будет элементом, стабилизирующим Версальскую систему, не оправдалось. Думается, дело здесь не только в пренебрежении принципом национального самоопределения или в том, что миротворцы принадлежали к поколению, сформированному опытом довоенной эпохи. Они менее всего думали об этническом развитии и сохранении языка, религии, традиций меньшинств в условиях других государств. Наоборот, среди них господствовало убеждение, что гарантия национальных и религиозных прав позволит безболезненно пережить процесс вначале адаптации, а затем и ассимиляции меньшинств в новых государствах. О. Чемберлен, А. Бриан, выступая в Лиге Наций, высказывались недвусмысленно в том плане, что цель договоров - подготовить меньшинства к полному слиянию, растворению в окружающем сообществе. Как указывает Х. Арентс, договоры признали то, что само собой подразумевалось в начале XX века, - лишь люди одинакового происхождения могут быть 1-ражда-нами и пользоваться полной правовой защитой, а представителям другой национальности требуется особый закон, пока они не будут полностью ассимилированы [18]. В Лиге Наций звучали даже другие голоса: закон страны не может отвечать за лиц, настаивающих на своей иной национальной принадлежности.

Неудивительно, что впоследствии Лига Наций наложила определенные обязательства перед новыми государствами на сами меньшинства. Ее третья Ассамблея в 1922 г. одобрила резолюцию, касающуюся обязательств меньшинств: они «должны сотрудничать в качестве верных граждан с господствующей нацией» [19], а секретариат Лиги Наций был обязан предоставлять материал Совету не только о нарушении договоров о меньшинствах, но и том, как представители меньшинств выполняют обязательства в отношении своих государств.

В таком контексте представляется, что развитие института защиты прав меньшинств не входило в намерения миротворцев, поскольку могло повлечь за собой вопрос о защите меньшинств в тех странах, где ее не существовало, и даже в самих державах-победительницах и их колониях.

Необходимо также отметить, что в анализируемых документах объектами защиты являются не сами меньшинства в качестве субъектов международного права, национального коллектива, имеющего специфические права. Меньшинства рассматриваются лишь как сумма индивидов, связанных происхождением, языком, религией, каждый из которых наделен определенными гражданскими и политическими правами.

Следовательно, в договорах нормируется не коллективное бытие меньшинств, в силу разных обстоятельств оказавшихся вне пределов собственных национальных государств, а права личности.

Существование меньшинств в качестве коллективной индивидуальности в договорах не рассматривается. Думается, эта ситуация не случайна: в начале XX века господствовало убеждение, что гарантии прав личности вполне достаточно для свободного существования и развития, а религия и язык - это те области, которые относятся не к публичному праву, а к сфере личного осуществления гражданами общественных свобод. Роль правительства должна при этом ограничиваться предоставлением гражданам возможности полного и свободного пользования этими свободами в рамках, определенных законом, и в условиях уважения прав личности. Представление о том, что существуют специфические права наций как коллективных индивидуальностей, которые не исчерпываются правами личности, еще не стало достоянием широкой общественной и политической мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Лазерсон М.Я. К международной постановке еврейского вопроса (с приложением документов) / М.Я. Лазерсон. - Пг., 1917. - С. 62.
2. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах / Джордж Д. Ллойд. - М., 1957. - Т. 1. - С. 267.
3. Там же. - Т. 2.-С. 154.
4. Всего под гарантии Лиги Наций было поставлено 18 международных актов, помимо уже названных - разделы о защите меньшинств в четырех мирных договорах с побежденными странами Австрией, Болгарией, Венгрией, Турцией, 6 деклараций, сделанных на Совете Лиги Наций Албанией, Литвой, Латвией, Ираком, Финляндией, Эстонией, польско-данцигская, германо-польская, о Верхней Силезии и о Мемеле конвенции. Кроме того, были аналогичные документы, которые не имели отношения к коллективным международным гарантиям. Они отражали заинтересованность одного государства судьбой своих соплеменников в других государствах, например, греко-итальянский договор о Додеканезе или австро-чешский о гражданстве и защите меньшинств.
5. Тексты договоров см.: Ключников Ю. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях/Ю. Ключников, А. Сабанин. - М., 1926. -Ч. 2. -С. 330-334, 375-379, 421-423.
6. Текст закона см.: Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология. - М., 1995. - Т. 3. - С. 46-52.
7. Там же.-С.52-64.
8. Вишняк М. Право меньшинств / М. Вишняк. - Париж, 1926. - С. 71.
9. См.: Ключников Ю. Указ. соч. / Ю. Ключников, А. Сабанин. - Ч. 2. - С. 260.
10. Кечекьян С.Ф. Международная защита национальных меньшинств / С.Ф. Кечекьян. - Баку, 1929. - С. 65.
11. История Лиги Наций знает лишь одно индивидуальное обращение - А.И. Крупенского о положении русского меньшинства в Бессарабии, которое было отклонено потому, что, с точки зрения Лиги Наций, договоры о меньшинствах не давали оснований для вмешательства.
12. Текст статьи см.: Ключников Ю. Указ. соч. / Ю. Ключников, А. Сабанин. - Ч. 2. С. 261.
13. См.: Ллойд Джордж Д. Указ. соч. / Джордж Д. Ллойд. - Т. 2. С. 488-489.
14. Иванов Л. Н. Лига Наций / Л. Н. Иванов. - М., 1929. - С. 130.
15. См. об этом, например: Капоторти Ф. Специальный докладчик подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам / Ф. Капоторти. - Нью-Йорк, 1979. - С. 23-24.
16. Абашидзе А. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву / А. Абашидзе. - М., 1996.-С. 50.
17. Лишь декларации о гарантиях прав меньшинств, принятые Финляндией, Латвией и Эстонией, предусматривали право прямого обращения государства в суд для получения консультативного заключения, хотя оно само по себе еще не являлось решением.
18. АрендтХ. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. - М., 1996. - С. 370.
19. Цит. по: Иванов Л.Н. Указ. соч. / Л.Н. Иванов. - С. 131.